

Евгений Луковцев

Тест на профпригодность

12+

литературный конкурс

Проект особого
значения

ЗАСЛОН

ЛитРес

Евгений Луковцев

Тест на профпригодность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67604906

SelfPub; 2022

Аннотация

Служба в научном флоте – мечта многих подростков из дальних земных колоний. Но мало иметь хорошие знания, широту взглядов и золотой аттестат, чтобы заслужить по-настоящему достойное место. Юному лейтенанту Димке Карпенскому требуется, как минимум, преодолеть панический ужас перед существами, которые заправляют всем в космофлоте людей.

Содержание

1.	4
2.	8
3.	11
4.	17
5.	24
6.	28
7.	34
8.	40
9.	43
10.	54
11.	61
12.	72
13.	75

Евгений Луковцев

Тест на профпригодность

1.

– Здесь явно какая-то ошибка!

Он потыкал пальцем в расчёты, но Озолинг даже не поднял глаз от стола. Изометрический чертёж сложной многоярусной конструкции занимал заведующего лабораторией гораздо больше, чем какие-то там накладные.

– М-дэээ? – протянул завлаб совершенно отстранённо. – Что не так с поставками?

– Триста тонн смарагдовой зелени!

Озолинг придавил свой чертёж указательным пальцем к столешнице, останавливая вращение картинки. Правую бровь поднял удивлённо, став похожим на потревоженную виноградную улитку, повернувшую в сторону посетителя только один глаз. Левое глазное яблоко у Озолинга было стеклянным, результат неудачного контакта со спорангием. Новичков всегда приводила в смущение способность завлаба смотреть в две разных стороны одновременно. Привыкнуть к такому, или хотя бы делать вид, было сложно.

– Триста тонн? На какие цели?

– Это накладная, Палпалыч, а не заявка. Тут только цифф-

ры. Триста тонн зелени по номенклатуре «Строительные и отделочные материалы».

– Так, и в чём дело? Кому-то на планете понадобилось триста тонн зелёной краски...

– Это не краска! Это раствор синтетического антисептика, бриллиантового зелёного.

Озолинг сверкнул живым глазом, дёрнул щекой, приводя протез в менее пугающее положение. Димке на миг показалось, что это признак искреннего интереса, но завлаб не оправдал ожиданий.

– Мало ли? Заказник – планета с бурной микрофлорой. Не говоря уже про микрофауну, м-дээ. Может, хотят покрыть стены антисептиком?

– Шутите, Палпалыч? Ну какие стены? Зелёнка разлагается под солнечным светом.

– Может, внутри хотят покрасить, – уже с раздражением отмахнулся Озолинг.

– Она токсична!

– Слушайте, эээ... как вас?

– Лейтенант Дмитрий Карпенский! – он вытянулся и щелкнул каблуками.

– Димочка, дорогой мой, я понятия не имею, зачем там понадобилось триста тонн зелёнки. Они просят, мы можем синтезировать и отправить, что вам ещё нужно?

– Но ведь станция потратит на этот бессмысленный заказ массу сырья, энергии и времени! Мы могли бы заполнить

транспорт лекарствами или оборудованием...

– Вы что, начальник экспедиции? Может, вы лучше него знаете, что нужно на поверхности?

– Нет, но...

– Вы начальник ЭсЭлЭс?

Димка свёл брови, пытаясь расшифровать незнакомое сокращение. Проследил направление глаза завлаба к нашивке на своём комбинезоне.

– А, да, снабженец. Временно исполняю. Я вообще-то биофизик, но наша лаборатория до сих пор...

– Так исполняйте, что ж вы лезете не в своё дело?

– Это моё дело! – вспыхнул Димка. – Как завскладом я подозреваю халатную трату ресурсов...

– Временно исполняете, – напомнил Озолинг.

– Так точно! Я офицер научного флота, экзамен сдал с отличием! Я всю жизнь мечтал попасть на станцию! И пусть меня тут всерьёз не воспринимают, запытили в хранилище накладные перебирать, но это не значит, что я буду в ответ плевать на работу! Если я вижу ошибку, если знаю, что можно что-то сделать лучше и эффективнее, то я...

Озолинг шумно выдохнул, надувая щёки, и плюхнулся в кресло. Димка осёкся.

– Я, я, я! – передразнил завлаб. – Спорангий отправку одобрил?

– Так точно.

– И какого рожна вам ещё надо? Хотите пойти, сунуть го-

лову к нему в мицелий, опротестовать решение?

– Нет, но... Но триста тонн!

– Хорошо, хорошо, я свяжусь с экспедицией и уточню. Может, имелись в виду литры. Или запятую в бланке пропустили, просили три тонны, вышло триста. Отложите пока накладную к неисполненным, присвойте ей статус «на ожидании».

– Спасибо, Палпалыч!

– Не за что!

За время препирательств палец Озолинга сполз с чертежа, и рабочий стол принялся снова крутить изображение. Поскольку хозяин кабинета не заметил этого, инженерный бот решил посвоевольничать и взялся перерисовывать чертёж в трёхмерную модель, которую считал более удобной для восприятия человеком. Над столом из плоской картинки стала выдвигаться разноцветная конструкция, но прежде, чем Димка понял, над чем работает главный инженер станции, Озолинг спохватился и вдавил изображение обратно в горизонтальную плоскость.

– У вас что-то ещё?

ВрИО завскладом замотал головой и поспешил ретироваться.

2.

Громкость музыки нарастала, превращая её из тихой и приятной в ритмичную и требовательную. Под веки проник свет, подобранный медицинским ботом под наилучший темп пробуждения. Сопротивление бесполезно, бот никому не позволит проспать начало нового рабочего цикла.

Димка вскочил, дал койке уползти в стену каюты. Голышом протопал в волновой душ, включил короткую обработку, всего на три секунды, но пожёстче. Медбот протестующе пискнул. Пациент мстительно проигнорировал, закрыл глаза и нажал кнопку.

Кожу пощипывало, пока он распаковывал завтрак. Похоже, медбот решил отыгаться за превышенный порог облучения в душе: питательная таблетка-котлетка на цвет и на вкус напоминала ненавистную капусту брокколи. Борясь с соблазном сунуть еду вместе с упаковкой в утилизатор, Димка всё же сжевал завтрак, сунул в термос пакет с кофе и пошёл одеваться, потягивая чуть горячеватый напиток из трубочки.

На рабочем месте его ждал сюрприз. Люк в бытовку, где хранились личные вещи сотрудников, не открылся. Димка провёл пальцем по датчику, хотя и так было видно, что он чистый. Повернул голову вправо-влево, чтобы облегчить считывание – бесполезно. Вздохнул, выудил из кармана ключ-

карту с фотографией, именем и персональным кодом. По правилам, карту полагалось носить на груди, но почти никто этого не делал: на станции вместимостью пятьдесят жило всего около четырнадцати тысяч человек, в пределах своего отсека члены экипажа знали друг друга в лицо.

Люк не открывался. Димка выругался и потопал к переходу в большой пешеходный коридор, где располагался общедоступный основной вход в хранилище. В дверях столкнулся со сменщиком, по всей видимости уже уходящим домой.

– О, привет, ты чего здесь?

– В смысле? – окончательно растерялся Димка. – Тебя иду менять.

– Так меня уже сменили. Ты что, плохо спал сегодня? Тебя вчера перевели в седьмую. Беги туда, времени уже без двадцати!

Смеясь, он нырнул в люк. Димка, всё ещё не веря услышанному, шагнул в офис.

Терминал на конторке работал, но на ключ-карту лишь крякнул отрывисто, отказываясь подчиняться. Димка попробовал ещё раз, понимая уже бессмысленность попытки. Только теперь он увидел в дальнем конце комнаты изумлённого рыжего парня.

– Это служебный терминал, – напомнил тот.

– Я знаю!

– Ты не можешь им больше пользоваться. Тебя в седьмую перевели, значит, доступа к складу у тебя больше нет.

Димка открыл рот, собираясь огрызнуться, закрыл. Молча пошёл к выходу, на полпути понял, что по привычке идёт к боковому люку.

– Дим, ты чего? Если тебе что-то нужно из хранилища, просто скажи, я сам заявку оформлю...

3.

Озолинг сидел на том же месте и крутил изометрический чертёж над столом, словно и не ложился спать в прошлом цикле.

Димка планировал упереться обеими ладонями в край стола и рыкнуть: «Это ваших рук дело?» – только завлаб опередил его на секунду.

– Молодой человек, стучаться вас что, родители не учили?

– Ээээ, – замялся Димка, по инерции шлёпнул ладонями о стол, от чего чертёж вздыбился на противоположной стороне, напалз завлабу на лицо, раскрасил его квадратами и линиями. Озолинг взревел, стал поспешно пихать изображение обратно, потом бросил и крикнул инженерному боту, чтобы выключил проектор.

– Вы что, с ума сошли?! Что вам нужно?

– Я... Я по поводу назначения в седьмую.

– Ну?

– Ну... Это ваше распоряжение?

– А чьё ещё? Пока я команду БЧ-7, в моей власти такие назначения!

Ещё никогда на научной станции никто при Димке не называл седьмую лабораторию «боевой частью». Кстати, хранилище и вспомогательный персонал тоже никто не называл «Сл-С». Это термины из прошлого, времён старого земно-

го флота. Когда ещё существовал земной флот. Когда Земля светилась огнями больших городов, корабли летали между планетами, не спрашивая ни у кого разрешение, а слово «спорангий» употребляли только биологи в своих скучных научных спорах. Да, были когда-то и такие времена.

Димка подумал, что никогда не интересовался прошлым Озолинга и не загадывал даже, сколько ему должно быть лет, чтобы в памяти хранились все эти далёкие для современной молодежи вещи.

– ПалПалыч, зачем вы это сделали?

– Эммм... Как вас?

– Дима.

– Да-да, лейтенант Дмитрий Карпенский. Мечты о космосе, экзамен с отличием. Дорогой мой, помилуйте, не вы ли вчера сотрясали кислородную смесь моего кабинета жалобами, что до сих пор не назначены в лабораторию и прозябаете на должности завскладом?

– Я, но...

– Успели передумать?

– Нет, но...

– У вас рабочий цикл начинается через четыре минуты!

– Но я не успел обработать ту накладную!

– Что за беда? Обрабатает сменщик.

– Беда? Беда в том, что заявка уже отработана. Её одобрили!

– Да?.. – растерянность завлаба не промелькнула, а пря-

мо-таки мышью проскочила по глубоким складкам на лбу. И мигом уступила место уверенному канцеляриту. – Да, да, подтверждаю, я провёл необходимые сверки, уточнения, получил подтверждение с поверхности Заказника и одобрил заявку.

– И для чего же им триста тонн зелени?

– Для... А какой у вас теперь допуск?

– Д-7.

– Значит, для вас это останется тайной. Кстати, как вы вообще узнали судьбу заявки?

– Элементарно! Получил уведомление о переводе в седьмую лабораторию, зашёл посмотреть список её проектов, а там самый свежий заказ – синтез трёхсот тонн лакокрасочных материалов!

– Логично. Остальное вы додумали, меня спровоцировали, а я купился и разболтал. Что ж, будет старому дурню наука. Тогда знаете-ка что? Берите этот заказ себе на исполнение. Допуск у вас есть, где сырьё брать – вы в курсе, шуруйте на рабочее место и приступайте к синтезу!

Озолинг скосил один глаз на свой стол, инженерный бот послушно пискнул и оформил назначение. Уведомление эхом отозвалось у Димки на локте, он перевернул запястье и убедился, что на экране персокома светится входящее сообщение зелёного цвета – служебное. От обиды лицо его залила краска, глаза сощурились в тонкие щёлочки.

– Я сделаю эту работу. Я офицер научной космической

станции, обязан выполнять приказы руководства. Но знайте, что это дело я просто так не оставлю. В прошлый рабочий цикл я поднял архив накладных и выяснил, что смарагдовую зелень поставляют на Заказник не в первый раз, причём всегда по разным номенклатурам. То как протравочный химикат, то как краску, то как удобрения. Если вам этот бессмысленный расход наших ресурсов не кажется подозрительным, то я сам выясню, в чем тут дело. Если потребуется, в спорангий залезу, но выясню!

Не прощаясь, он развернулся и быстро вышел, жалея, что автоматические люки на станции не дают возможности хлопнуть дверью. Но как всегда, быстро вспыхнув, он так же быстро пришёл в себя. Свернув за первый поворот, уже жалел, что нарушил субординацию. Пройдя ещё шагов двадцать по палубе – остановился, ругая собственную резкую выходку. Наконец, развернувшись, поспешил обратно, чтобы принести Озолингу извинения.

Люк в кабинет оказался распахнутым, и Димка невольно сбавил ход, чтобы не столкнуться с выходящим человеком. По этой причине внутри не слышали его шагов. Посетитель не думал выходить, он просто стоял очень близко, спиной к люку, поэтому входной клапан и не закрывался.

– ...не остановится, – говорил из глубины кабинета завлаб. – Я думаю, он продолжит копать. Если накопает что-то существенное, мы пропали, всё дело пропало. Моя поспешность с его назначением только усугубила ситуацию.

– Тогда я предлагаю перейти ко второму уровню защиты, – сказал гость.

– Не слишком ли? Мальчишка ведь, желторотик.

– Ничего, вовремя пообломать перья ещё никому не вредило.

Мужчина хохотнул, и от этого глумливого смешка Димке стало не по себе. Он не видел лица незнакомца, только широкую спину, толстую шею, неровные складки кожи у основания затылка да чёрные пятна на лысине – ожоги от многочисленных контактов со спорангием. И этот голос, и эта спина говорили Димке, что «не по себе» в его ситуации – не то слово, на самом деле ему должно быть до колик страшно.

– М-дэээ, – протянул Озолинг. – Тоже верно. Далась ему эта зелёнка!

– А кто его на склад назначил? Может, это провокация?

– Да ну, брось, чистая случайность. Люди такого рода проявляются на любом месте, куда их не назначь.

– Тогда подумай хорошенько, может ему этой зелёнкой сразу лоб намазать?

– Я уже думал...

Окончание ответа Димка не услышал. Мужчина в дверях неожиданно шевельнулся, поднял руку, чтобы почесать затылок. Решив, что он собирается обернуться, Димка отпрыгнул от люка. Ботинки горомыхнули, как ему показалось, на всю станцию. словно застигнутый над краденой сосиской кот, повинувшись инстинкту самосохранения и ожидая каждую

секунду злобного окрика, он бросился бежать.

4.

«13% complete» – сообщил инженерный бот. Это был тот же самый бот, которого мучил чертежами Озолинг, этот бот вообще один на весь отсек, просто у каждого сотрудника свой терминал. Удобно, когда делаешь общее дело и требуется иметь под рукой самые актуальные данные. По той же причине медицинский бот был строго персональным, охранный – один на целую палубу, а командный бот – вообще единственный на весь корабль.

Синтез зелёнки седьмая запустила в течение двух часов, из которых большая часть ушла попросту на ожидание сырья. Химзавод перенастроили, скопировав чертёж с прошлого аналогичного заказа, под это дело Димка невзначай выпросил себе у начальника смены допуск ко всей информации по смарагдовой зелени. Сейчас в одном конце цеха монотонно гудящая машина пожирала органику и присадки, разлагала на компоненты и заново составляла из них бензольные кольца с двойными пи-связями, выдавая золотисто-зелёную вонючую гущу; в другом конце чан-смеситель разводил эту гущу водно-спиртовой смесью, превращая в итоговый 2%-ный продукт.

Процесс, который Димка расценивал, ни больше ни меньше, как забивание микроскопом гвоздей, шёл в автоматическом режиме под присмотром инженерного бота и пары ла-

борантов. Руководитель проекта, то есть сам Димка, бездельничал за терминалом и размышлял, что ему делать дальше.

Странную фразу «намазать лоб зелёной» он, по счастью, знал. От отца, который слышал её от деда. В его годы преступников, признанных опасными для общества, не отправляли в спорангий, давая шанс принести ещё в жизни немного пользы. Вместо этого их совершенно нерационально убивали, выстреливая в голову. Перед казнью мазали зелёной лоб, чтобы удобнее было прицелиться.

Димка эту историю принимал за анекдот. Такое расточительное расходование человеческого материала не укладывалось в голове. Да и предположение, что без зелёной метки палач с близкого расстояния не попадёт в голову, вызывало недоверие. Но Димка понимал, что с отцом на эту тему спорить смысла нет: он был родом из поселенцев Z-14, а сам Димка был слишком молод, то есть – ни один из них не жил в то время на Земле и не может знать, какие нравы царили тогда в этом удивительном месте.

Интересно, что напугало его больше, архаичная фраза или чёрные пятна на голове сказавшего её незнакомца? Димка чётко не знал. Спорангия он боялся с детства, до жути, до трясущихся пальцев. С того дня, как вместе со школьным классом пошёл на обязательный микотест, и капля крови на приборе врача высветила три ярких полоски. Одноклассники незамедлительно просветили, что это означает максимальную совместимость, а она, в свою очередь, – что скоро

его отведут к одному из чёрных зомби, заразят спорами, которые прорастут в мозг и тоже превратят в тупого вонючего зомби с пустыми глазами и гниющей башкой.

Несколько минут спустя дверь приёмной главврача в конце коридора открылась и оттуда показались две человеческие фигуры. Одна – обычная, в белом медицинском халате. Вторая – неуклюжая, с круглым, раздутым как воздушный шарик серым пористым мешком вместо головы.

Внутри у Димки всё опустилось. Он понял: это за ним, истошно завопил и бросился бежать без оглядки, не слыша хохота довольных ровесников за спиной.

Конечно, на следующий день он пошёл в школу только под угрозой отца отволочь его туда силой. И не только потому, что стал посмешищем. Он боялся другого.

В школе его ждала большая разборка у директора, профилактические беседы с завучем и курс посещения психолога. Все в один голос убеждали, что половина рассказа мальчишек – заблуждение, а вторая половина вообще выдумана на ходу ради хохмы. Напоминали, сколько фильмов о дружбе двух цивилизаций смотрели в младших классах, сколько лекций выслушано уже в этом году.

Димка соглашался, верил. Он даже всерьёз заинтересовался темой и сам прочёл несколько толстых старых книг по истории контакта человека со спорангием. Но и после этого, зная, что превратиться в зомби без веской причины ему не грозит, с детским иррациональным страхом поделаться уже

ничего не мог. Люди, способные добровольно сунуть голову в мицелий, поражали его не меньше, чем ужасали истории о проросших – случайных или по приговору суда жертвах спорангия.

«Чистая ксенофобия!» – воскликнул бы любой практикующий психолог и был бы прав. Спокойно относиться к столь жуткой, противоестественной форме жизни удавалось среди людей не каждому. Особенно в первые годы после контакта, когда о спорангии было известно ещё меньше, чем сейчас.

Тех четверых, самых первых звездолетчиков спорангий и теперь просит считать настоящими героями, просто оказавшимися не готовыми к встрече. Но на Земле их долгое время называли совсем другими словами, среди которых «нарушители карантина» и «виновники вымирания» были наиболее мягкими и, можно сказать, лестными.

Землю в те годы населяли миллиарды людей (Димка плохо учил в школе историю и не помнил, сколько именно). Ещё столько же проживало в семи ближайших звёздных системах, до которых человечеству удалось добраться. Превращение четырёх космонавтов, возвратившихся из новой звёздной экспедиции, в чёрных зомби, поросших серыми нитями мицелия, человечество не сочло большой трагедией. Когда автопилот приземлил посадочный челнок и люди увидели, что выходит из жилой капсулы, проросших лётчиков сбили с ног, замотали в целлофан и отправили в ближайшую военную биологическую лабораторию.

Возможно, если бы хоть один из пилотов стал полноценным спорангием или сохранил способность разговаривать – дело не дошло бы до беды. Но простые проросшие умеют говорить только в присутствии хозяина, зато крайне ревностны в вопросах неприкосновенности. Спасательная партия наутро нашла вместо лаборатории радиоактивное пепелище, а весь выживший персонал почернел, словно обуглился, и покрылся тонкими белёсыми нитями.

Послевоенная доктрина выжившей части человечества гласила, что спорангий не опасен для людей и никогда не причинит вреда, если сам не подвергается агрессии. Действительно, Димка много раз общался с людьми, которые соприкасались с мицелием, но в зомби не превратились. Дело тут было не только в совместимости человека, но и в намерениях самого спорангия, который умел контролировать поведение не только незрелых проросших, но даже отдельных спор.

Отец в их прежних частых вечерних беседах даже приводил в пример популярных политиков и развлекателей, у которых чем сильнее ожоги на голове – тем больше слава и круче карьерный рост. Димка из чистого упрямства возражал, что всё наоборот, рост популярности приводит к частым вызовам в спорангий. И хотя, за отсутствием жизненного опыта, не мог ещё объяснить себе цель таких вызовов, старался как можно больше держаться в тени, лишь бы оттянуть первый контакт со спорами, а лучше – не встречаться никогда

совсем.

«14% complete» – сообщил инженерный бот. Бог ты мой, сколько времени? Через сорок минут заканчивался рабочий цикл, начиналась шестичасовка личного времени, а Димка так и не решил, что делать дальше.

За время рабочего цикла ему должно было хватить времени выпить кофе, успокоиться и попытаться логически обдумать ситуацию. На деле после десятой чашки медбот заблокировал ему доступ к автомату с напитками, трясущиеся пальцы промахивались мимо символов на терминале, а логика подсказывала только «этого не может быть» и «ты ничего такого не сделал».

Да, возможно, он всё надумал, никакой опасности нет и разговор в кабинете завлаба не имеет к нему отношения. Просто игра воображения. Может, пойти к Озолингу и задать вопрос в лоб?

А если это *не* игра воображения? Если тот обожжённый сидит сейчас в лаборантской и ждёт сигнала? Тогда, может, действительно, сходить на аудиенцию к спорангию? А с чего ты взял, что серый мешок не в курсе дела? Учитывая, что он санкционировал поставки зелени. Да, и эти ожоги на черепе лысого...

Один вариант другого сомнительнее. А прятаться бесконечно в стенах лаборатории невозможно. Конечно, прямо сюда, на рабочее место за ним вряд ли придут. Но какие неприятности ждут там, за входным люком?

Димка зажмурился, накрыл лицо руками и ещё раз прогнал в голове варианты дальнейших действий. Отбросил заведомо проигрышные, например «поделиться с кем-нибудь и попросить совета». Нет уж, прежде чем втягивать в дело посторонних, надо сперва понять, кто в нём замешан. А самым первым делом – попытаться выяснить, что вообще за дело такое? Какую тайную болячку седьмой лаборатории он сорвал, случайно покопавшись в накладных?

Смахнув с терминала надоедливые оповещения о ходе выполнения заказа, Димка вызвал на экран формуляр производственного архива. Набрал в фильтре все известные ему наименования смарагдовой зелени, для верности активировал расширенный допуск, полученный от начальника смены, и запустил поиск.

5.

Кильдей нашёл его в баре на палубе развлекателей. Вернее, это Димка его нашёл, потому что прекрасно знал, где искать, но постарался попасть на глаза как бы случайно и выглядеть весьма пьяненьким. Тут было важно не сфальшивить, поэтому Димка, не любивший крепкий алкоголь, незадолго до встречи всё же пропустил пару рюмок.

Через минуту Кильдей сидел на соседнем стуле, плюхнувшись туда без разрешения и без спроса.

– О, привет! Вот уж кого не ожидал здесь увидеть! Ты обычно выше пятого яруса не поднимаешься!

Музыка гремела так, что Димка не стал утруждать себя ответом, просто открыл пару раз рот, словно что-то сказал. Кильдей радостно закивал.

– Да, у вас там тоска, я бы сдох от скуки. А меня вот распределили в шестую, там во как интересно!

Он показал большим пальцем, как именно. Он всегда, сколько помнил его Димка, был оптимистом и мечтателем. Класса с пятого, когда переехал с семьёй на Z-14. Там они подружились, там вместе сдавали экзамены, и на научную станцию попали тоже вместе. Только в силу склонностей Димка, мечтавший о чистой науке и невероятных открытиях, попал в седьмую лабораторию, отвечавшую за робототехнические и вычислительные системы, связь, а также за

всё промышленное оборудование, синтез и поставки заказов в колонии. Кильдей тяготел к космосу немного иначе, его больше привлекал космический флот, поэтому он сперва учился на пилота, а потом по претензиям к здоровью был переведён на курс механиков и попал в лабораторию номер шесть, отвечавшую за работу доков, ремонт кораблей и обслуживание дронов.

– Ты опять один? – Кильдей кивнул в сторону барной стойки. Димка посмотрел туда и обнаружил на высоком стуле незнакомую эффектную барышню лет семнадцати. Её макияж и серьги были совершенно не уставными, бежевая куртка со студенческим шевроном носила следы качественной профессиональной подгонки под точёную фигурку, а брюки слишком заужены, чтобы считаться форменными. Удивительно, как женщины в космосе, в совершенно утилитарных условиях умудряются придать себе такую притягательность.

– Это Лиза. Она с ночной стороны, из академии. Ненадолго здесь, их курс на практику прислали к нам, в шестую.

Он вдруг наклонился доверительно и спросил, понизив голос до почти что шепота, но такого, чтобы было слышно и сквозь музыку.

– Ты же до сих пор один живёшь, верно?

Что ж, получилось даже проще, чем Димка рассчитывал. Он кивнул.

– Это просто здорово! Уступи мне каюту? Ну ты же зна-

ешь, как селят механиков, никакой личной жизни!

– У тебя каждый цикл личная жизнь, и почему-то каждый раз новая. Тебя надо на цепь посадить, чтобы не сбивал всей станции демографический график.

– Ой, вот ты каким был нудным, таким и остался! Не сможешь, значит?

– Секция девять, каюта четырнадцать, – Димка ткнул пальцем в персоком и отправил Кильдею гостевой код от люка.

– Ай, да ты ж мой дружище!

– Койка узкая, не травмируйся там!

– Да ты ж меня знаешь!

– Вот именно, знаю! Если что поломаешь в каюте, попрошу завлаба приковать тебя цепью к рабочему месту. Один конец цепи прямо к рабочему месту, а второй – к стулу!

– Будь спок, мы осторожненько! – Кильдей скалился, оценив шутку, но уже порывался вскочить и галопом нестись к своей личной жизни. Димка его еле остановил, схватив за рукав.

– Мне-то свой адрес открой, я где по-твоему спать должен?

Кильдей шлёпнул себя ладонью по лбу, скинул адрес и код доступа и умчался. Это был очень важный момент: приятель никогда не продумывал ничего наперёд, поэтому даже в подобных ситуациях готовых гостевых кодов под рукой не имел, скидывал свой личный. Оставшись один, Димка про-

верил код на персокоме – ну так и есть, допуск в общежитие, в офисную секцию шестой лаборатории и к докам.

– Бэ-че шесть... – задумчиво проговорил он, вспомнив почему-то стеклянный глаз Озолинга.

6.

Лаборатории на станции никогда не останавливались. Держать здесь помещения, в которых на сон-цикл будет гаснуть свет и замирать выполнение проектов – слишком расточительно. Когда колониальный транспорт, сохранившийся после доставки людей на Z-14, переделывали в полноценную внепланетарную научно-производственную базу, спорангий сразу предложил проектировать её на три рабочих смены. Каждая палуба жила по своему циклу: когда у одних сотрудников рабочая шестичасовка, у других – личное время, у третьих – сон. Медбот тщательно следил, чтобы никто не нарушал распорядок циклов, велено спать – иди и спи. Димка, любивший засидеться допоздна за книгой или эфиром развлекателей, потратил круглую сумму на хакерский блокатор медбота. Кто ж знал, что он пригодится ещё и в такой ситуации?

В шестой лаборатории царило странное запустение. В трёх из шести доков стояли корабли: пассажирский челнок и два рудовоза, но никто не тащил к ним кабели зарядных станций и диагностических мониторов, погрузчики не сновали по пандусам, дроны не посвистывали над рубками, заменяя термозащиту и подкрашивая места случайной встречи с космическим мусором. Непривычно, зато на руку Димке, легче пробраться незамеченным к рабочим терминалам

шестой.

Позади послышались голоса, и он поспешил укрыться за торговыми автоматами, чтобы не попадаться лишней раз на глаза. По закону подлости наткнешься на знакомого, который непременно кинется жать руку и спросит, что ты делаешь в чужом отсеке.

Трое парней шли заказывать завтрак. Есть такая категория персонала, кто вечно экономит время личного цикла, а потом тратит рабочее на завтраки сухпайками, чаепития и перекуры в вытяжной камере.

– И как думаешь, найдут?

– Думаю, да. Не велика проблема – запеленговать, ты же знаешь нашу систему, датчиков понатыкано по сто штук на квадратный метр.

Димка плотнее прижался к стене, надеясь, что обходить все прилавки и заглядывать за них механики не станут. Ассортимент один, а автоматов много только во избежание очередей перед обедом.

– А правда, что спорангий даже не в курсе?

– Не знаю. Думаю, что нет. Был бы в курсе, не давал бы указаний ловить и обыскивать. Скорее всего, велел бы пальнуть в него разок издали, не приближаясь. Ну или сам бы прибыл посмотреть с парой проросших.

– Ага, и взводом десантников, – хихикнул третий.

– Это уж точно, как водится! – и заржали втроём.

Димка недовольно сморщился. Глупая шутка, аж тошно.

Десятилетия люди живут в мире со спорангием. Он предотвратил вымирание, хотя мог оставить всё как есть, дав человеческой цивилизации медленно закатиться. Он произвёл революцию в медицине, избавив людей от воспалительных заболеваний, туберкулёза, гангрены, выведя из обихода такое понятие как антибиотики – за ненадобностью. Он предоставил свои умопомрачительные аналитические способности для восстановления каких-никаких поселений на обитаемых планетах. Он, в конце концов, позволил человеку вернуться в космос, пусть и с большими ограничениями. И при всём этом, спорангий остаётся объектом постоянных насмешек, а порой и нападений.

Агрессия против спорангия всегда, без исключений, приводит к тяжким фатальным последствиям. Война плохо кончилась для людей как раз потому, что они упрямо не хотели усвоить: спорангий самым радикальным образом пресекает любые попытки на себя напасть. Да, одиночная особь с телом человека и серым раздутым грибным мешком на голове – лёгкая мишень, убить можно одним ударом. Но прятаться после этого бесполезно, пару дней спустя ты почувствуешь лёгкое жжение на лбу, потом сильное жжение, потом нестерпимую адскую боль – некоторые даже срезали себе кожу до самого черепа, лишь бы не чувствовать, как мицелий медленно раздирает ткани и внедряется в мозг. Но если уж споры начали прорастать – всё бесполезно, даже пущенная в лоб пуля. Считалось, что в этом случае спорангий не сможет за-

владеть твоей памятью и раскрыть твои секреты, но было ли так на самом деле? Объективно, зомби-самоубийцы выглядели просто тупее обычных проросших.

Если убийца спорангия всё-таки сумел избежать заражения, это не спасало его от расправы. День-другой, и он, проснувшись в холодном поту, слышал в темноте шепелявое кряхтение – и не успевал подняться. Проросшим не нужен сон, еда и отдых, а нюх и интуиция у них отменные. Они хватали железной хваткой, волокли к спорангию, и вскоре убийца ощущал на лбу лёгкое жжение. Даже нападение исподтишка, без свидетелей – это не способ уйти от мщения, потому что увиденное одним проросшим видели все они, что знал один спорангий – знал весь спорангий, где бы ни находились отдельные его особи.

Однако на первом месте среди причин гибели убийц всё же не проращение. Смерть грибницы всегда сопровождается быстрым разложением с такой бурной химической реакцией, что потушить факел невозможно и под водой. Удар ножом в грудь проросшего равносителен аутодафе. Выстрел с близкого расстояния – гарантия шрапнельной травмы тысячей раскалённых осмётков. А пробитый мешок с мицелием у зрелого спорангия повлечёт взрыв мощностью равноценного по весу уранового заряда и с таким же радиационным эффектом.

По этой причине, а вовсе не из опасений за свою жизнь, спорангий всегда передвигался в сопровождении охраны из слуг-проросших и обычных людских солдат. Те и другие нес-

ли службу с одинаковым рвением, ведь гибель спорангия на космическом корабле, даже случайная, означала немедленную смерть всего экипажа.

Автомат с едой наконец-то звякнул в третий раз, отдавая последний заказ. Димка старался даже дышать потише, но лёгкие под действием адреналина предательски сокращались всё активнее. Механики, по счастью, не собирались задерживаться.

– Ну а если найдут, что делать будут?

– Ничего. Тихо подойдут и прямо на месте выпотрошат.

Димка подавился воздухом, едва не раскашлялся.

– Всю информацию из памяти снимут, скрутят навигацию, электронику – в общем, всё самое ценное. Может, там в трюмах что-то осталось?

– А если спорангий узнает?

– Тогда завлаб пойдёт на удобрения. Поэтому даже ему не говорят ничего, всё втихаря, без докладов. Может быть вообще не челнок отправят, а старый реактивный катер, что на дальнем причале. Только с дронами, без экипажа, они и сами снимут всё, что можно по-быстрому отвинтить. Так-то ведь, когда большой челнок заводится, спорангий это чувствует, а ракетные рейсы его почему-то...

Мужчины отошли уже достаточно далеко и слов уже невозможно было разобрать. Димка сполз по стене, уселся на корточки и нервно захихикал. Ну и дурак! Решил, что речь о нём, что это его повсюду ищут, чтобы тихо выпотрошить.

А механики всего-то планировали втайне от спорангия ограбить старый корабль. Иногда остатки довоенного флота оказывались достаточно близко, чтобы проверить подобное, но спорангий был категорически против. Почему? Бог его знает, спорангий не отвечает на вопросы, если не хочет, и не поясняет своих решений, считая их логику очевидно разумющейся.

Димка убедился, что поблизости больше никого нет, вылез из укрытия, отряхнул штаны. Дальний причал, о котором шла речь в разговоре, находился совсем рядом. Если там стоит старый катер, снятый с обслуживания, то персонала поблизости быть не должно. Зато терминалы шестой лаборатории можно найти, их наверняка поленились отключить. Никто не помешает сделать несколько запросов, пользуясь допуском Кильдея. Поступающие отсюда, они не вызовут подозрений, даже если кто-то станет вручную проверять реестры.

7.

«Тритон» и «Ниуга». Всего два места, где могут скрываться ответы на его вопросы. Сухогруз «Тритон», реестровый номер СФС-445, и среднетоннажный грузопассажирский челнок «Ниуга» СФС-918. Оба выполняли регулярные рейсы между станцией и колониями системы Z, в том числе несколько раз доставляли заказы на экзопланету Заказник, вторую от звезды.

Всего кораблей, когда-либо загружавших смарагдовую зелень, было пять, но «Люголь» три года как переведён в другую систему, красавец «Жираф» уже около двух лет считается пропавшим без вести и условно погибшим, а «Рудый» девять месяцев назад нарвался на струю космического мусора, да так неудачно, что оказалось легче распилить на запчасти, чем заштопать. Что случилось с экипажами, Димка не выяснил, потому что допуска Кильдея для этого не хватало. Доступ к спискам личного состава имели только завлабы и некоторые службы БЧ-1. Тьфу ты, первой лаборатории, к которой приписан весь командный состав. Ах да, и ещё спорангий, разумеется.

Тем не менее, полученная в шестой скудная информация укладывалась в ту достаточно интересную и пугающую гипотезу, которая зародилась у Димки в голове после изучения архива у себя, в седьмой. Там он хотел выяснить имена

своих предшественников, исполнителей прошлых заявок с Заказника, чтобы встретиться с ними, расспросить о поставках смарагдовой зелени, о каких-нибудь особенностях или странностях. И сразу же нашёл странность – единственную и ошеломительную.

Никто из офицеров, работавших в седьмой до него, не был доступен для разговора. Каждый, чьим именем визировались отчёты, упоминался в архивах не более шести-семи месяцев подряд. Затем подпись менялась на новую, и судя по званию, проекты с Заказника передавались каждый раз молодым, не слишком опытным сотрудникам, иной раз даже лейтенантам первого года службы. Чьи фамилии после трёх-четырёх поставок тоже пропадали из документации.

Димка перенастраивал фильтры так и сяк, поиск по проектам не давал больше ничего нового. Без допуска к личным делам невозможно выяснить, куда перевели этих сотрудников, а тем более – почему. Конечно, кроме отчётов о проектах была ещё чёртова пропасть заявок на получение сырья и накладных об отгрузке готовой продукции, но какой смысл рыться в этом болоте? Впрочем...

Димка расширил область поиска, количество упоминаний резко выросло. Только даты новых документов не совпадали со временем выполнения проектов, а цветные метки, благодушно расставленные архивным ботом в местах совпадений, оказались не в тех местах, где их можно было ожидать. Димка ещё раз повторил поиск, вбивая фамилии по одной, и

присвистнул. Примерно половина пропавших офицеров до назначения в седьмую служила в хранилище, обильно ставя подписи под приходно-расходными ордерами.

Гипотеза сложилась сама собой. Кто-то нагружал станцию бессмысленными планетарными заказами. При этом назначал неопытных юнцов на склад, проводя заказы через них. Спустя некоторое время переводил в седьмую на исполнение тех же выборочных заказов. Затем исполнитель исчезал, а на его место по цепочке перемещался новый.

Как и положено гипотезе, у неё имелся ряд открытых вопросов. Димка прикинул, что в первую очередь подлежит проверке и доказыванию.

1. Являлись заказы с Заказника заведомым саботажем или только прикрытием для другого преступления, например хищения ресурсов станции?

2. Были ли назначения новичков в эту схему умышленными?

3. Подвергались ли люди, втянутые в историю однозначно против своей воли, опасности?

Этот пункт, пожалуй, стоило считать приоритетным. А самое главное, надо как можно скорее узнать, не находится ли он сам как раз сейчас в последней фазе!

Примерно в этот момент у Димки зародилась идея встретиться с Кильдеем. Для проверки гипотезы остро требовалась информация, допуск к которой имелся либо в первой лаборатории, либо в шестой. Вломиться на командную палу-

бу было бы слишком дерзко, так что...

Тут ему пришло в голову, что не вся информация в этом мире хранится под допуском и ограничением. Если уж заниматься поиском, то надо потрошить все источники, проявлять креатив. Он открыл на персокоме новую страницу блокнота для заметок и переслал туда имена пропавших офицеров. После чего закрыл служебный терминал и ушёл с работы – рабочий цикл как раз закончился и медбот нудел вибросигналом в локоть, что организм устал, пора переходить к отдыху.

Следующий час личного времени он потратил в медиакафе, сняв изолированную одноместную комнату, предназначенную для просмотра шоу развлекателей. Шоу, свёрнутое в малюсенькую картинку на минимальном уровне звука, от дела почти не отвлекало. На главный экран Димка вытащил подшивку новостей за последние три полных цикла. Погрузиться глубже посчитал чрезмерным, нет на это времени.

Поиск выдал не все фамилии. Но и тех четырёх, что встречались в утренних информационных эфирах за указанные годы, хватило для появления на лбу холодного липкого пота.

Сабута Мурави, 20-летний лейтенант научного флота, только-только переведённый из производственной службы на настоящую полевую работу. Погиб при рутинной исследовательской миссии на крошечный планетоид Z-209. Трагическая случайность: шальной метеор пробил крепление страховочного троса и учёного унесло в открытый космос.

Почему он не подал сигнал бедствия, а напарник вовремя не заметил аварии, выяснит служебное расследование. Хотя не вполне ясно, как оно будет проводиться: тела так и не нашли.

Пётр Стечевич, 24 года, старший лейтенант. Мужественно встал на пути огня при взрыве в генераторной на третьей палубе. Не щадя себя, боролся за живучесть отсека и спас сослуживцев ценой собственной жизни. Его имя навечно останется... бла-бла-бла.

Шунь Лу Мин, 23 года, лейтенант. Дал развлекателям восторженное интервью сразу по двум радостным поводам: в связи с присвоением очередного звания старшего лейтенанта, но главное – в связи с зачислением в экипаж нового, только что прибывшего в систему Z многопрофильного судна «Жиравф». Да-да, того самого.

И, наконец, Анастас Таверский, 19 лет, младший лейтенант. Упоминался сразу в нескольких сообщениях как подозреваемый в покушении на спорангия. В первой новости вкратце описывалось само покушение, доблестно предотвращённое службой безопасности. Во второй рассказывалось, что юный офицер перенёс тяжёлую психологическую травму при расставании с девушкой, оставшейся служить в штабе спорангия на Z-14, что и стало, по мнению экспертов, причиной срыва. Третья новость сообщала, что преступник Таверский опасен для общества, лишен звания и находится в розыске вне закона. И последняя уведомляла экипаж, что угрозы больше нет: слетевший с катушек химик-маньяк по доро-

ге в двигательный отсек попал в засаду, успел ударить ножом проросшего и сторел, не причинив особого вреда.

– Вот тебе и ответ на вопрос номер три. Значит, спорангий не просто смотрит на дело сквозь пальцы и санкционирует саботаж. Он непосредственно участвует в устранении слишком дотошных офицеров. Но зачем? Его полномочия на станции практически неограниченны, он мог бы просто отдать людям прямой приказ... Разве что... Но нет, без доказательств это всё – только необоснованные догадки. А собрать доказательства можно только с допуском к другой палубе. Кильдей, дружище, прости меня, заранее!

8.

– Сволочь!!! Ты просто сволочь! Я придушу тебя собственными руками!

Вообще-то, Кильдей использовал другие слова, но смысл был примерно тот же. Димка спешно убавил громкость персокома, чтобы яростные вопли не собрали к его убежищу всю шестую лабораторию.

– Чего ты орёшь? Что случилось?

– Что случилось?!! Ты не знаешь, что случилось?!! Я тебе скажу: в каюту только что вломился проросший с целым взводом синих в полной боевой выкладке! Они Лизу стащили с койки за ногу! Они мне выбили два зуба! Спасибо, хоть спросили имя, а не потащили сразу макать башкой в мицеллий!

– Постой, Кильдей, за что? При чём здесь ты, и что им от меня нужно?

– Я не знаю, что ты сотворил, но спорангий искал именно тебя. Из-за твоего долбаного взломанного медбота они были уверены, что ты дома. Я сказал, что ты сейчас в моей комнате, но знаешь что? Вали оттуда сейчас же, потому что я хочу найти тебя первым и...

Димка сбросил звонок. Ну не пускаться же в объяснения, что он и не появлялся в общежитии механиков? Даже если служба безопасности поверила Кильдею и отправилась на ка-

ют-палубу шестой лаборатории, времени это добавит не много. Если же шерстить начали сразу по всему кораблю, звонок уже отслежен и синие мундиры вот-вот объявятся в доках.

Димка наспех отключил терминал, с которого работал, выдернул клемму питания из персокома, лишая преследователей возможности пеленга. Непосредственно до этого места они сигнал всё равно отследят, надо бежать, но куда? Никаких идей в голове, чистая паника.

Он вышел из кабинета и пошёл по коридору, сильно пригнув голову и едва сдерживаясь, чтобы не сорваться на бег. Если под потолком есть камера, нескольких неестественных движений в кадре хватит, чтобы бот охраны заинтересовался и запустил протокол установления личности. Следует свернуть в узкие технические коридоры, где меньше датчиков. Хотя, как там выразился тот механик? Сканеров понатыкано по сто штук на квадратный метр? Это уж точно, на корабле, даже таком огромном, как научная станция, от них не скрыться.

Он на ходу взглянул за стеклянную стену коридора, через которую открывалась панорама доков – жутковатое зрелище для человека, всю жизнь прожившего под куполом тесной маленькой колонии Z-14. Вдали справа высились махины рудовозов, перед ними два самых ближних причала пустовали, чуть левее торчал, присосавшись к кишке выдвигного трапа, челнок. Его корпус перекрывал обзор на последний порт, у пришвартованного там катера видны были только длинные

антенны системы дистанционного управления.

Идея пришла в голову настолько же простая, насколько и безумная. Димка толкнул первый попавшийся по пути люк на внешнюю сторону, не сбежал – мухой слетел по лестнице на три уровня вниз. Любое движение, замеченное теперь на палубе, представлялось ему отрядом синих под предводительством самого спорангия, поэтому сдерживаться дальше не хватило сил. Как только подошвы коснулись пола, Димка повернул налево и побежал.

9.

Невесомость. Не самая приятная штука с непривычки, даже для того, кто освоился жить в условиях пониженной и временами переменной гравитации. А осознание, что ты находишься один в пустом корабле, состоящем только из двигателя и трюма, внутри которого даже нет воздуха в целях экономии, и весь твой запас – это два заправленных скафандра по полтора часа дыхания в каждом, плюс ещё четыре регенеративных патрона – всё, что уместилось в руках... В общем, настроение у Димки после отстыковки было ниже среднего.

Он попробовал успокоить себя тем, что финт с побегом из-под всевидящего ока службы безопасности прошёл удачно. Ракета вышла из дока до появления синих, затем защитные колпаки закрыли порт и никто уже не мог увидеть её разворота на курс и вспышки ускорителей. Поскольку рейс изначально планировался контрабандным, никаких документов о нём найти в БЧ-6 нельзя. Для бота охраны Димка просто исчез, растворился в воздухе.

Но что дальше? Он не знал ни направления, ни времени полёта. Резкий старт едва не сломал его пополам, потому что перегрузки рассчитывались на отсутствие хрупких живых пассажиров. Теперь синяк на спине болел и чесался. Последнее было хуже всего, попробуй почешу толстой перчат-

кой под баллоном с дыхательной смесью.

Работающие дюзы создавали такую силу тяжести, что плотно придавливали тело к кормовой переборке, позволяя шевелиться с большим трудом. В корабле не было света, воздуха и отопления, ресурс скафандра тратился с пугающей быстротой. Если трюм, плюс ко всему, не защищён от космической радиации, то организм сейчас получает ударную дозу – тут обычный рабочий скафандр механика помочь ничем не может.

Когда Димка наспех опустошал шлюзовой шкаф (прости ещё раз, Кильдей, пропажу скафандров тоже запишут на твой код доступа), ему казалась гениальной идея пробраться в подготовленный к вылету катер. Ну а что, добраться до конечной точки маршрута и там дальше сориентироваться по обстановке. Ржавый баркас на реактивной тяге не послали бы далеко, а те несколько часов, что он проведёт вне станции, изрядно запутают преследователей, собьют со следа.

Теперь же он понимал, что «недалеко» – очень сомнительное понятие, если ты не сидишь в мягком кресле жилого модуля, а болтаешься в чёрном брюхе старой гептиловой кофемолки. Если скафандр разрядится прямо в полёте, каковы шансы не успеть выбраться из него и перепрыгнуть в запасной? Задержать дыхание на две минуты – полбеды, в трюме собачий холод, просто адский космический холод, на котором заочневшие руки могут попросту не справиться с клапанами...

Димка вздрогнул и едва не закричал. Показалось, что-то движется к нему во тьме. Какой-то звук... В панике он не выдержал, включил наплечные фонари. Трюм из давящей чёрной дыры сразу расширился до обычного цилиндрического ангара с латанными-перелатанными стенами, кое-где розовыми, кое-где буро-коричневыми. Борта равномерно делились на секции выпуклостями рёбер жёсткости, создавая впечатление, что ты попал внутрь огромной круглой вафли. Нарушали картинку только шарниры открывающего устройства, да три здоровенных механических паука в креплениях – спящие до поры рабочие дроны. Ничего страшного.

Батарея скафандра разряжалась. Димка дважды принимал твёрдое решение выключить свет, но так и не пересилил себя. Махнул рукой, признав, что фонари тратят куда меньше, чем контур отопления. Если там, куда летит этот закопчённый самовар, не окажется подходящего источника энергии, риск замёрзнуть ничуть не меньше, чем сойти с ума от страха в темноте.

Можно попытаться доползти до рубки, взять на себя управление и отыскать в планах корабля, где находится зарядный автомат. Кильдей бы, к примеру, с такой задачей справился. Димка не пилот и не механик, он теоретически в самых общих чертах представляет устройство обычных кораблей, а на этом корыте неизвестно, где находится рубка. И есть ли она тут, катер же автоматический.

Может, включить свой персоком, активировать аварий-

ный маяк и вызвать помощь? Ну да, и какой смысл тогда был улетать? Найдут-то его моментально, только спасательная партия первым делом закуёт в кандалы и представит под светлы очи... или что там остаётся у человеческой головы, когда в ней прорастает спорангий?

Вот уж кто не боится темноты и тишины. Готовы полными циклами сидеть в своих гнёздах, слушая только скрип зубов проросших. Никаких фобий, никакого инстинкта самосохранения, в случае опасности без раздумий жертвуют и собой, и окружающими. Ну а чего им опасаться, если на все особи у спорангия и личность одна, и память общая? Индивидуальность мышления сохраняется только у проросшего, и та до определённого предела – пока ему самому не придёт пора отрастить вместо головы серый мешок.

После окончания войны потребовалось полтора десятилетия, чтобы люди начали худо-бедно воспринимать проросших по-прежнему членами общества. Необычных, молчаливых, беспрекословно подчиняющихся хозяину, но тем не менее. А самого спорангия так до сих пор и не признали. Советовались – да. Слушались – конечно. Но по-прежнему только вследствие того, что боялись, а не уважали. Не имеет чувств и ничем не дорожит, знает сразу обо всём, что происходит в обитаемых звёздных системах, но никогда не делится знаниями без нужды, отвечает только на те вопросы, которые сочтёт нужными. Слишком уж чужероден, слишком не-человечен, если не считать тела человека как обязательной кор-

мовой базы спорангия.

После первого контакта люди неистово уничтожали их и боролись с любыми проявлениями спор. Спорангий оказался вездесущ, свободно проникал везде, включая лаборатории самого высокого класса защиты. Как только где-то, не важно, где именно, пытались препарировать проросшего или запереть в клетку шароголового, связь с объектом прерывалась. Аварийная бригада находила всегда одно и то же: выгоревшие стены, оплавленный бетон, писк радиационных датчиков. И почерневший персонал в разной стадии прорастания под руководством нового спорангия, доброжелательного и готового к сотрудничеству. Ему было искренне жаль, что столько прекрасных людей потеряли свободу выбора, почему бы не обойтись без нерациональных трат биоматериала? – так он, кажется, говорил.

Противостояние продлилось недолго, каких-то десять полных циклов. За это время целые города превратились в безмолвные обиталища серых и чёрных подобий человека. В шароголовых можно было стрелять, проросших можно было заливать напалмом и боевыми реактивами, их гнёзда можно было бомбить вакуумными зарядами, но их место вскоре занимали новые особи.

Никто не знал, какое оружие эффективно против пришельцев. Поговаривали, что некая корпорация в те годы учредила тайное общество под названием «Заслон», собирая по планете лучших учёных для разработки такого оружия.

Историю шёпотом передавали друг другу бойцы сопротивления, но кроме названия об этом обществе никто ничего не мог рассказать. В детстве Димка считал, что это логично: общество ведь тайное! Но с годами пришёл к мысли, что оно либо не достигло поставленных целей, либо было лишь сказкой для поддержания морального духа последних солдат.

Война закончилась, когда люди нанесли по собственной планете серию высокоэнергетических орбитальных ударов стратегической и тактической мощности. Наверное, какое-то больное место чужаков при этом удалось зацепить, а может – просто переполнилась чаша терпения. Сутки спустя человечество осталось без космофлота. Все новейшие межзвёздные корабли и все межпланетные торговые транспорты на базонной тяге, все орбитальные станции и все экспедиционные караваны разом передали сигнал СОС и замолчали навсегда.

Столь же быстро и радикально люди потеряли энергетику. Все силовые установки от континентального класса и выше, все звёздные генераторы и аккумуляторные зеркала погасли в течение примерно десяти часов. Регионы, имевшие резервы в виде старых атомных станций, сумели в срочном порядке перейти на вспомогательные линии, обеспечив в лучшем случае десятую долю от минимальной для выживания потребности. У многих не было и этого, а значит – их ожидал хаос, голод и вымирание.

Орбитальные удары вызвали, ко всему прочему, массовое

одичание проросших и столь же массовое прорастание людей. Спорангий приложил все свои силы, чтобы вернуть ситуацию под контроль (по крайней мере, так он говорил), но ущерб цивилизации был нанесён колоссальный.

Зато в итоге воцарился долгий и прочный мир, в котором никто не терроризировал население, если люди в ответ не проявляли к спорангию агрессию или как-то ещё не «нарушали правила». Правил у него было великое множество, некоторые совершенно странные и неочевидные, поэтому так трудно шло согласование мирных инициатив даже с теми, кто их действительно хотел. Проросшие, чей голос использовал спорангий во время переговоров, выражались туманно и косноязычно, а альтернативный метод общения – головой в мицелий – раскрывал пришельцу слишком много личных тайн и до поры казался дикостью.

Ничего, притерпелись. Приняли помощь физической силой, проросшие показали себя исключительно исполнительными и неутомимыми работниками. Встав на ноги – ещё и советами, и кое-какими технологиями. О многом в устройстве вселенной спорангий знал несоизмеримо больше людей, хотя и однобоко, теоретически, не умея в деталях объяснить механику процессов. Просто знал, как факт, о существовании того или иного явления, заранее предсказывал итоги того или иного эксперимента, подсказывал, в какую сторону копать учёным, а те уж потихоньку справлялись с поставленной задачей.

Умножать свою численность не стремился, даже наоборот, после заключения мира убрал почти все свои особи с глаз долой, в глубокие бункеры, ставшие бесполезными для людей. Кормить не просил, чем они там питались – не объяснял, да не очень-то выжившие этим интересовались. Баба с возу, как говорится.

Раболепия и жертвоприношений не требовал. Даже наоборот, не с первого раза согласился обращать безнадежно больных, кто пожелает добровольно избавиться себя от страданий. Да, появились желающие, когда пообвыклись существовать со спорангием в своего рода симбиозе.

Следом нашлись и те, кто предложил пророщивать преступников, приговоренных к смерти. От этой идеи спорангий открещивался ещё дольше, полагая, что насильственное обращение вызовет новую волну неприязни. В общем-то, так оно и вышло в итоге, ведь спорангий никогда не ошибается в своих прогнозах. Но ничего, и к этому притерпелись.

Сложнее всего оказалось с полётами. Развлекатели в своих передачах всё время твердят, что это для нашего же блага, для безопасности человечества, ещё не окрепшего от потерь и не готового к новым опасностям глубокого космоса. Но Димка знал, что в этом вопросе «правила» спорангия наиболее жёсткие, детальные и неадекватные.

Ни одного корабля без спорангия и хотя бы пары пророщенных на борту. Ни одного рейса без спроса. Ни одного груза без перепроверки накладных. Ответственность лично на ка-

питане, и отвечать он должен головой. В прямом смысле: по первому требованию совать голову в раскрывшийся мешок с мицелием и честно отвечать на все вопросы. А нечестно не получится, прямой контакт с мозгом, попытайся что-то утаить – и ты снят с должности, списан на ближайшую планету и отдан под трибунал.

Чтобы пресечь попытки персонала жульничать, не ставя капитана в известность, спорангий оставил за собой право вызвать на аналогичную процедуру любого члена экипажа. Удалось выторговать единственное условие: офицер не может подвергнуться допросу мицелием чаще одного раза в полный цикл.

Так появились люди с морщинистыми рыхлыми лысынами, покрытыми черными пятнами ожогов. Появился скорбный список кораблей, пытавшихся поднять бунт и исчезнувших в короткой неяркой вспышке. И другой список – тех, что отправились в полёт тайно, не спрашивая спорангия или вопреки его приказам. Иногда их находили на дальних орбитах покорёженными, дрейфующими по инерции, без признаков жизни на борту. Обследовать «летучие голландцы» спорангий, как правило, запрещал, предсказывая, что экспедиция непременно окончится новыми жертвами. И все знали, что спорангий никогда не ошибается в своих прогнозах.

По всей видимости, Димка задремал, потому что прозевал момент отключения разгонных дюз и не успел приготовиться к торможению. Пришёл в себя, когда его вдруг швырнуло

куда-то, завертело и ухнуло шлемом об корпус ближайшего дрона.

Димка вцепился в металлические конечности, попытался удержаться и сориентироваться в пространстве. Он догадался, что катер врубил реверс, а значит, пройдена как минимум середина пути. Или даже больше, учитывая, что перегрузка всё возрастает и руки вот-вот вырвет из плеч.

Он не удержался, выпустил ногу дрона и тут же приложился всем телом об следующего, аж полетели искры из глаз. Мысль, что надо было использовать встроенный в пояс ляминь не для крепления запасного скафандра к себе, а себя к переборке, пришла слишком поздно. Следующий удар был по касательной, о борт трюма, но и таким едва не вышибло дух. Потом его тащило со скрежетом вдоль поверхности, он цеплялся пальцами за малейшие выпуклости, задел спиной лонжерон и подумал, что пробитый кислородный баллон после всего пережитого стал бы слишком обидным концом.

Его полёт прервала ещё одна переборка, означавшая, что трюм закончился. Судя по ощущениям, в ней должна была остаться приличная вмятина, аккурат по форме скафандра. Перегрузка навалилась такая и длилась так долго, что Димка устал считать выдавленные из глаз слезинки и слушать хруст суставов. Его даже не беспокоил вопрос, что будет, если именно сейчас подойдёт к концу запас кислорода: всё равно сдавленные лёгкие практически не могли сокращаться.

Потом в глазах прояснилось, и Димке впервые в этом

путешествии улыбнулась удача. Трюм, бесшумно вибрируя, распахнулся прямо под ногами, а рабочий дрон, отправляясь за борт, прополз достаточно близко, чтобы за него удалось ухватиться. Оставайся Димка в кормовой части, мог бы зависнуть в метре от борта, барахтаясь в пустоте, словно мошка в супе. Теперь же робот сам нёс его к цели, избавив от необходимости искать безопасный маршрут.

Судно, к которому пристыковался катер, выглядело плохо. Когда-то давно это был настоящий красавец длиной почти в километр и высотой в полста палуб. Теперь он плыл в пустоте тёмной громадиной, оцарапанной метеоритами, опалённой выбросами кислорода из пробоев, изломанной гравитацией планет и лун, которые удалось миновать. На носу и на остатках рубки угадывалась эмблема космофлота и название крупными буквами: «Жираф».

10.

Старшего лейтенанта Мина он не нашёл. Тел вообще на борту оказалось немного, даже на мостике вместо пятнадцати дежурных офицеров он обнаружил всего троих. Ни в кубрике, ни в каютах, ни на боевых постах не находилось того количества людей, которое положено по штатному расписанию. Словно капитан знал, что отправляется в последний рейс, и высадил почти весь экипаж, взяв с собой только тех, без кого вылет в принципе невозможен. Димка пока не стал делать из этого каких-либо выводов, не так много времени у него было, чтобы осмотреть каждую палубу досконально.

«Жираф» представлял собой пустую консервную банку без малейшей искры жизни в агрегатах, хороший повод впасть в отчаяние. К счастью, в первые же минуты удалось наткнуться на уцелевший спасательный плот – восьмиместную полностью автономную ячейку, предназначенную как раз для случаев разгерметизации и отключения реактора. Индикаторы на люке при появлении человека радостно замигали зелёным, обещая полный пансион. Димка на последних каплях кислородной смеси вполз внутрь, запустил систему жизнеобеспечения и с наслаждением сорвал с головы стеклянный колпак.

Роботы деловито шастали по судну, топоча по стенам и вызывая едва ощутимую вибрацию. Восемь растопыренных

ног на каждого и адаптивная программа «Стая» с элементами общего на всех искусственного интеллекта («Как у спорангия!» – хвастался разработчик) позволяли им не теряться в невесомости, быстро и дружно выполнять самые разные задачи. В данном случае мародерствовать.

Стуча зубами, Димка стянул скафандр. Разрешил бортовому боту-спасателю самостоятельно определить и обеспечить комфортный микроклимат. Пустой скафандр затолкал в шкаф на просушку и подзарядку. Опомнился, толкнулся ногами в стену, подплыл к терминалу и вызвал на экран управление плотом. Но нет, сигнал тревоги отключать не пришлось: он молчал, поскольку капсула не отстрелилась от материнского корабля.

В принципе, на этом можно было бы и успокоиться. Отдышаться, передохнуть, даже поесть – и вернуться на катер, ожидая обратного рейса. Может быть, Димка так бы и поступил, попади он на борт любого другого судна. Но только не на «Жирафе».

Для начала он рискнул включить персоком, но сразу же перевёл его в автономный режим, чтобы не оповещать всю вселенную о своих координатах. Через локальный канал связи загрузил из памяти плота схему всех палуб "Жирафа", затем связался с дронами и велел сообщить их местонахождение. Дроны не нашли поблизости никого старше по званию, чтобы оспорить приказ, и подчинились.

Переодевшись в запасной скафандр, он выплыл в шлюз.

Пока бот-спасатель выравнивал давление, Димка снова вызвал стаю и велел сообщить время, отведённое ей на разграбление корабля. Успешно. К моменту открытия шлюза у него было полное понимание, как не опоздать на обратный рейс, а роботы к тому же пообещали оповестить за десять минут до возвращения на катер, если закончат работу раньше.

Первым делом он осмотрел машинный зал, ближайший по пути к центральному посту. Не нашёл ничего интересного, кроме полного отсутствия экипажа. Разыскивая силовую установку, наткнулся на одинокий труп мичмана, пристёгнутого страховочным ремнём к креслу за пустым терминалом. Осветил лицо – и остолбенел.

Мичман не был человеком. Он был проросшим. Мёртвым проросшим. Не кучкой пепла и не живым существом, а высушенной в безвоздушном пространстве чёрной мумией с характерными наростами по всему лицу. Да, так не бывает, ещё никто из людей не мог похвастаться, что видел мёртвого проросшего. Но вот он факт: труп, возможно – единственный во всей вселенной. Димка прочёл его имя, для верности сделал снимок нагрудного шеврона и поплыл дальше.

Следующий сюрприз ждал в реакторном. Проникнуть туда не позволил датчик радиации: из неплотно закрытого люка фонило смертью. Но удалось заглянуть внутрь через прозрачную стену на внешнем защищенном посту управления.

Посреди реакторного зала лежала фигура, отдалённо напоминающая человеческую, только опутанная пучками бе-

лых нитей, словно путившая корни прямо сквозь металл, пластик и композит, внутрь блоков замедлителя и механизма выдвигания стержней. Руки разрослись до такой степени, что охватили всю пятиметровую крышку энергоблока, белые нити пронзали конструкцию насквозь, местами породив трещины в ладонь шириной. Крышка второго энергоблока была и вовсе сорвана, сдвинута с места, держась только на страховочной арматуре. В шахту спускались широкие стволы, выросшие из ног мертвеца, и через стекло Димка видел: в реакторе нет топлива, ячейки пусты, их заместила пористая масса корней. Там, где должна была реветь кварк-глюонная плазма, разлился из разорванных труб охлаждающий гель, в котором безмолвно голубели сполохи черенковского излучения.

– Так вот, как вы сожрали наш флот! – произнёс Димка в пустоту.

Он уже не удивился, обнаружив за терминалом дежурного высохший труп с пучками белых наростов. Все до единого члены экипажа на этом мёртвом корабле были проросшими. Димка находил их на самых важных постах, осматривая палубу за палубой. Будто все они в свой последний час, испытывая нечеловеческие муки и прекрасно понимая, что происходит, продолжали нести вахту.

Исключение составлял капитан "Жирафа", которого Димка отыскал в его персональной каюте. Статный широкоплечий мужчина сидел в кресле за малым навигационным сто-

лом. Страховочный ремень пренебрежительно расстёгнут, но ноги по древней флотской традиции заведены за скобу в основании кресла. Тело окоченело задолго до отключения генератора гравитации, поэтому капитан даже в невесомости продолжал сидеть, гордо расправив плечи. Под ладонью правой руки поблескивал офицерский пистолет. Головы у капитана не было, вместо неё над шеей оформился почти созревший спорангий. От лёгкого прикосновения пальцем к сухой коже шар лопнул и рассыпался облачком серой пыли.

Димка обследовал каюту, искал капитанский персоком, планшет бортового журнала, предсмертную записку – хоть какой-то намёк, позволяющий раскрыть тайну разыгравшейся здесь трагедии. Но обнаружил только литровую керамическую колбу с куском оливково-чёрного льда внутри. Тряхнул её, осколки выскочили и разлетелись, искрясь в лучах фонарей. Они почти совпадали по цвету с пятнами на белом кителе, которые Димка поначалу принял за кровь. Только у крови, если её подсветить, не может быть зелёного оттенка.

Он даже без химического анализа знал, что находилось в колбе. И в остальных колбах, которые видел по всему кораблю, но не придал значения. В том числе, в этих вот, запечатанных и расставленных по навигационному столу. Триста тысяч таких же колб прямо сейчас готовила к отправке на Заказник седьмая лаборатория научной станции.

Терминал столешницы был расколот, наверное, мощным ударом пистолетной рукоятки, но подмагниченные основания

колб удерживались на тех местах, куда их установили. Поставив пустую посудину ровно туда, откуда взял, Димка прикинул, мог ли капитан случайно испортить свою парадную форму в момент выстрела. Нет, из кресла до стола не дотянуться, после смерти колба упала бы на пол. Значит, этот красавец, педант и чистюля, умышленно облил свою голову зелёнкой, почувствовав первые симптомы прорастания. А пистолетом воспользовался, когда это не помогло. Или... помогло?

Димка открыл второй люк из каюты, по короткому отдельному коридору – привилегия капитана! – попал сразу на мостик. Осмотрел тела. На них не было травм, споры паразита крайне щадяще относились к организму носителя. Но большие темные пятна на лицах и одежде были у всех. Синие, тёмно-оливковые, зелёные, чёрные – в зависимости от материала, на который пролилась смарагдовая зелень. И возле каждого трупа стояла, лежала или висела в пустоте как минимум одна вскрытая колба.

В нарушение устава, большой навигационный стол посреди центрального поста – синхронизированная копия малого из каюты капитана – был тоже заставлен посторонними предметами. Димка подплыл поближе и пересчитал колбы. Вывел на персоком снимок из капитанской каюты, пересчитал ещё раз. Потом догадался: облетел стол по кругу и сравнил расположение со снимком. Колбы стояли совершенно идентично, вся разница заключалась в паутине трещин на одной

из поверхностей.

– Так значит, их уже одиннадцать?

11.

Кожух наконец-то отстегнулся и уплыл в сторону, обнажив модули памяти. Димка хотел вынуть всю панель целиком, но прикинул, что с такой большой деталью в кармане ходить будет неудобно, поэтому стал отстёгивать отдельные плашки. В этот момент корабль трянуло, пол ударил в лицо.

– Что за чёрт? Стая-1, вы что, стартовали без меня?

– Отказ в информации.

– Чего? Стая-1, доложите местоположение!

– Отказ!

– Приказ члена экипажа! – он не на шутку перепугался и добавил безотказное: – Человек в опасности!

– Отказ, приказ отменён старшим по званию!

– Здесь нет старшего...

Димка не договорил, потому что вдруг понял, что не висит, а сидит на полу. Дронам искусственная гравитация не требовалась, на катере и генератора-то не было. Значит...

Он вырвал панель памяти из гнезда и принялся топтать. Потом вспомнил про пистолет, включил его и выжег всю стойку панелей разом. Спохватился, высыпал на пол уже отстёгнутые плашки, стал крошить их рукояткой, чтобы уж наверняка. Не прервался, даже когда услышал топот за спиной, а остановил погром только мощный удар в затылок тяжелого бронированного ботинка.

Интерес к жизни вернулся не сразу. К тому времени на центральном посту стало довольно тесно. У стены – три бессовестных предателя-дрона. Перед ними четверо десантников в отполированных до блеска силовых доспехах, оцетившиеся оружием. Ближе, у самого навигационного стола, двое проросших. Тот, что справа, вертит в руках отобранный у Димки пистолет капитана. Тот, что слева, кажется, что-то говорит.

Димка попробовал приподняться, все стволы в комнате недвусмысленно качнулись следом. Четыре сильных руки схватили за плечи и вдавили его обратно в командирское кресло. Проросший замолчал, чуть склонил голову, смотрел с интересом. Димка рискнул шевельнуть рукой, показал большим пальцем себе на ухо. Губы проросшего пошевелились, давление на плечи пропало.

Димка постучал по колпаку скафандра, помотал головой. Указал на свой персоком и, получив утвердительный кивок, включил тестирование систем. Жизнеобеспечение было в норме, а вот связь после удара в голову не работала. Димка указал на красный индикатор и как мог жестами постарался пояснить его значение.

Проросший отдал приказ, и два дрона дружно куда-то ускакали, а третий принялся деловито вскрывать обшивку стены. Какие-то слова, вероятно, были обращены к десанникам, поскольку и они пришли в движение: нехотя убрали оружие, рассредоточились по помещению и встали вольно.

Теперь Димка со своего места мог видеть всех шестерых.

Дроны вскоре возвратились, волоча на горбах оборудованное с эмблемой флотского мультиспаса. В двенадцать рук соединили провода, воткнули шланги, нажали нужные кнопки. На центральном посту зажглось красное аварийное освещение, захлопнулись внешние двери шлюз-камеры. Цифры на стеновой панели менялись, пиктограммы желтели, затем наливались радостным зелёным. Терминалы запотели: генераторы закачивали в рубку не только энергию, но и подогретую дыхательную смесь. Давление и температура росли, свет стал обычным, рабочим, ожили и закрылись внутренние двери, ожили некоторые терминалы. Навигационный стол мигнул и тут же погас.

– Ага, болт вам семигранный, а не бортжурнал, – вслух сказал Димка, пользуясь тем, что его по-прежнему никто не слышит.

Опять пришли в движение створки люка, впуская в рубку ещё одного человека. Димке показалось, что теперь он даже слышит шаги. Солдаты приосанились, продемонстрировали боеготовность, положив руки на рукояти оружия.

Э, нет, не человека они встречали, решил Димка. Он уже знал, что находится под этим скафандром.

– Вы можете снять шлем, это безопасно, – прохрипел ему прямо в лицо правый проросший.

Его собственный колпак уже был отстёгнут. Особь слева пока ещё возилась с клапаном. После прорастания у этих

тварей сильно снижалась потребность в кислороде, лёгкие и голосовые связки без тренировки быстро атрофировались, потому и говорили они с большим трудом. Зато некоторое время они могли бы перемещаться по кораблю вовсе без скафандров, разве что низкая температура была губительна для зомби так же, как и для людей.

Вновьприбывший последовал примеру, щелкнув клапаном и стащив колпак. Обнажился пухлый мешок мицелия и Димку, совсем как в детстве, обуял ужас.

Правый проросший нетерпеливо протянул к нему руку. Димка оттолкнул её и самостоятельно повернул ручку клапана. Надавил снизу на лицевое стекло, приподнял и сдвинул половину шлема на затылок, но целиком так и не снял.

– Александр Горбунов? – прочитал зомби именную нашивку.

– Нет, конечно. Это скафандр какого-то офицера из шестой лаборатории. Вы же знаете, я украл его в доках.

– Дмитрий Карпенский, – констатировал мутант.

Димка лишь хмыкнул, взглянув на спорангия. Он знал, что проросший не сам задавал вопросы, а был только глазами, ушами и голосом другого собеседника.

– Зачем вы это сделали? – захрипел другой зомби, выкладывая на стол расплющенный модуль памяти.

– Так я это... Не хотел, чтобы досталось тем... кто убил здесь всех.

Оба проросших воззрились с одинаковым интересом.

– Ну, кто атаковал корабль, – поспешно пояснил Димка.

– Вы что-то знаете о них?

– Так я думал, что вы – это и есть они. Я же сперва хотел привезти чипы к нам на станцию, полные карманы набил. И тут чую, пристыковался кто-то. Вот, думаю, враг вернулся трюмы потрошить. Ну я и...

– Почему вы нарушили приказ? Я запретил людям летать и забирать что-либо с заброшенных кораблей.

– Да вы не поверите, случайно получилось! Когда я на катер лез, вообще не знал, куда он направляется... – Димка нёс околесицу, выставлял себя таким молодым наивным олухом, но стараясь всё же придерживаться правды там, где это можно проверить, и надеясь, что не переигрывает. – Так получается, я даже правильно сделал, что ничего здесь не взял, верно?

– Вы правы, – перебил спорангий. – Я вам не верю!

Проросшие синхронно, как дроны с единым интеллектом, выбросили вперёд руки и схватили Димку повыше локтей, словно тисками зажали. Рывком выдернув из кресла, подтащили к столу, удерживая сантиметрах в двадцати от спорангия. Димка конвульсивно забился, увидев, что по серому мешку от вершины к основанию пробежали тонкие полоски, как щёлки между лепестками раскрывающегося бутона.

Он завопил, задёргался ещё сильнее, метнул взгляд на десантников, пытаясь хотя бы у них найти поддержку. Солдаты не подумали вмешаться, стояли в таких позах, словно проис-

ходящее для них – привычное зрелище. Возможно, так оно и было. И так же возможно, что некоторые из них, глядя на панические конвульсии, даже ухмылялись под тонированными стёклами шлемов.

– Что ты видел? – прохрипел проросший.

– Что ты нашёл? – проскрежетал другой.

– Лекарство!!! – проорал в ответ Димка. – Лекарство от твоих долбанных спор! Которое не даст тебе проникать в наши головы!

Повисла мёртвая тишина. Теперь-то десантники навострили уши. Но спорангий знал, что можно и чего нельзя обсуждать при подчинённых.

– Вы не против, мы поговорим наедине?

Димка тяжело дышал, его колотила мелкая дрожь, зубы стучали. Он только кивнул в ответ.

– А вы не будете... делать глупости? – воспользовался эвфемизмом спорангий, и Димка снова с готовностью кивнул.

Стальная хватка проросших ослабла, и он едва не грохнулся на пол. Поднялся, держась за край стола, чтобы колени не подгибались. Увидел, что десантники нехотя шагают к люку.

– Они будут рядом, – заверил правый урод.

– Но я уверен, что мы обойдёмся без их помощи, – добавил левый и положил пистолет рядом с собой на навигационный экран.

– Что вы хотите знать?

– Что за лекарство вы нашли? Каковы его химические свойства? Биокинетика? Биодинамика?

Димка понимающе мотал головой.

– Препарат самый обычный, много веков известный. Людям полезен. Но как он на вас действует – ещё б мне это знать! Вы же не даёте себя изучать, так откуда мне может быть известно действие ваших ядов?

– Откуда вы знаете, что это яд?

– А вы, выходит, не в курсе? На корабле десятки трупов. Ну, таких, с наростами, – он пошевелил пальцами рук у своего лица. – Трупов, понимаете?

Шар спорангия завибрировал, выдавая волнение. Или тревогу. Или страх.

– Что, и вправду не знали? Отсюда никто из ваших не смог передать сигнал тревоги? Я-то думал, этот яд только нарушает контакт с носителем, а он, выходит, полностью блокирует ваши импульсы?

– Где? Где это вещество? – по своему обыкновению спорангий проигнорировал вопрос.

– Да вот, сколько угодно.

Димка протянул руку к колбе, но проросший тут же вклинился между ним и столом. Второй вскинул пистолет.

– Не надо! Я сам!

Спорангий с завидной для незрячего ловкостью, не обращаясь к столу, схватил колбу и аккуратно скрутил крышку. Заглянул внутрь.

– Я умею чувствовать опасные вещества. Сейчас я не чувствую опасности этого вещества.

– Может, поэтому ты до сих пор о нём и не знал? А давай проверим? Плесни чуток себе на шляпку! – Димка оскалился в наглой улыбке.

– Проверим, – согласился спорангий. – Только не на моей шляпке.

Проросшие только в детских страшилках представлялись неуклюжими зомби, в реальности они могли быть очень быстрыми, если того требовали обстоятельства. Димка опять не сумел увернуться от хватких пальцев. Но на этот раз он был готов, и когда его потащили к спорангию, уже не вопил, а продолжал скалиться.

Кожа, прикрывающая шар мицелия, разошлась по швам, лепестки загнулись, открывая ком шевелящихся словно черви нитей. Спорангий качнулся, вздохнул, и из вершины мицелия вырвалось облачко тёмного пара – споры.

– Я не поверил ни единому твоему слову, Дмитрий Карпенский. Но это не важно. Я всё равно выкачаю из твоего разума всю информацию и разберусь, что правда, а что нет. А потом ты прорастёшь, и мы обязательно испытаем действие яда. Хочешь быть добровольцем в этом эксперименте?

Нити мицелия пришли в движение, подобно тонким щупальцам медузы на сильном течении. Димка подумал, что нечеловеческое усилие, благодаря которому он не упал сейчас в обморок, наверняка стоило ему пары лет жизни.

– Тупая плесень! Неужели ты думал, что я не предвидел такого поворота? Да я даже персоком специально включил, чтобы вы меня скорее запеленговали!

Проросшие продолжали тащить и тянуть. Ещё не понимая, в чём подвох, один из них содрал шлем с Димкиной головы. Пальцы его окрасились, когда мазнули по изумрудным волосам, – Димка не пожалел раствора, пропитывая подголовник и мягкую подкладку.

Мутант тонко пискнул и одёрнул руку. Момент был не самый удачный, но другого могло не представиться, так что Димка рискнул. Поджал ноги, повисая на локтях, и изо всех сил пнул колбу, которую держал спорангий. Раствор, ещё не до конца оттаявший, выплеснулся. Жидкость, блестя льдинками, залила одежду, грудь и серую пористую кожуцу шара, ярко окрасила волокна мицелия. Спорангий отпрыгнул, словно его обдали кипятком, налетел задом на край стола, скакнул в другую сторону, споткнулся о кресло и повалился на пол, всё сильнее вымазываясь в зелёном.

Проросшие не последовали за хозяином, это было бы уж слишком хорошо. Но та связь, что объединяла их со спорангием, явно передавала некоторую часть ощущений. Оба они оглушённо крутили головами, замирали, затем конвульсивно дрыгались. Тот, что уже получил ожог, не удержал Димкину руку, дав ему возможность дотянуться до стола и схватить ещё одну колбу.

Второй вдруг вспомнил, что у него в руках пистолет. А

может быть, просто стиснул пальцы и случайно нажал спусковую скобу. Колба разлетелась вдребезги, зелёные брызги заляпали всё, рубка стала похожа на произведение художника-авангардиста, по совместительству психопата и дальтоника. Осколки не повредили скафандру, но он весь стал зелёным и скользким. Димка дёрнулся посильнее, пальцы проросшего соскользнули с плеча и теперь удерживали только ткань.

Свободной рукой Димка схватил третью колбу, чтобы швырнуть врагу в голову, но увидел, куда движется ствол пистолета, и резко присел. Второй выстрел нанёс повреждения информационному терминалу на стене, да ещё перебил какой-то провод, потому что освещение опять переключилось на аварийный красный. Десантники, ворвавшиеся на шум, застали поистине inferнальную картину.

Проросший выстрелил ещё раз. Солдаты, не успевшие разобраться в происходящем, ответили на это заградительными очередями, наспех ища себе какое-нибудь укрытие. Обожженный проросший выпустил наконец рукав скафандра, Димка плюхнулся на пол, сразу вскочил и метнул в сторону дверей очередную колбу. Для верности заорал: «Ложись!» – и бросился в противоположную сторону.

Солдаты не купились на уловку, и когда Димка на секунду задержался, чтобы подхватить с пола шлем от скафандра, дружно открыли стрельбу ему вслед. Тогда он рыбкай прыгнул вперёд, на пузе проскользил до люка, ведущего к капи-

танской каюте. Десантники перенесли огонь вниз, командир истошно заорал им: «Отставить!» – но оглушённый спорангий, почти неразличимый в темноте под столом, уже задёргался под выстрелами.

К счастью, автономное питание центрального поста не запустило бота безопасности. Техника только выполняла приказы, не прогнозируя последствий. Люк по команде Димки просто открылся, дыхательная смесь с хлопком, как шампанское из бутылки, рванулась в пустоту, сбивая с ног тех, кто ещё на них стоял. Перепад давления ударил по ушам, выдавив капли крови. Димка выкатился в коридор, вскочил и побежал, на ходу прилаживая шлем. Страшно хотелось оглянуться, узнать, бегут солдаты за ним вдогонку или у них хватило ума улепётывать, не медля, в другую сторону?

Вломившись в каюту, он сдернул с груди обезглавленного тела ключ-карту. Ниша в стене отреагировала на знакомый предмет зелеными индикаторами и открыла проход. По давней флотской традиции, настоящий командир уходил в бездну вместе со своим кораблём и не пользовался личной спасательной капсулой, но по уставу она была ему положена – привилегия капитана.

12.

Ядерный взрыв в открытом космосе – не такое уж эффектное зрелище. Ни тебе пылевого гриба над эпицентром, ни огненного шара в отсутствии кислорода, ни сияния ионосферной бури. По крайней мере, так Димке в своё время говорили студенты старших курсов, хвастаясь, что во время практических занятий присутствовали при утилизации древней энергоустановки. Возможно, ввали, а сам он не наблюдал ядерных взрывов ни в каких условиях. Не довелось.

Не увидел и в этот раз, поскольку на спасательной капсуле конструкторы, выбирая между прочностью и комфортом, от установки иллюминаторов отказались. Были, разумеется, удобные забортные камеры, но Димка не знал, насколько далеко успеет отлететь от «Жирафа» и не нагонит ли его электромагнитный импульс, поэтому сразу после старта приказал боту отключить всю электронику и ждать ручного перезапуска.

Поэтому он не знал, развалился корабль на части, сгорел ли, остался ли невредим из-за слишком малой мощности взрыва. По идее, всего в нескольких палубах ниже рубки находилось хранилище топливных ячеек, но бог его знает, не впитал ли и их кто-то из проросших членов экипажа?

В общем, когда ему показалось, что капсулу как-то странно качнуло, он выждал ещё примерно минуты три и заново

запустил бота-спасателя. Велел ни в коем случае не активировать аварийный маяк, что-то наврав про возможное преследование врагом. Бот был не слишком умный и не стал уточнять, что ещё за враг. Принялся за работу, проверил все системы, потом вывел на терминал карту ближайших окрестностей и предложил пассажиру самостоятельно выбрать путь к спасению.

Димка первым делом взялся за камеру. В оптику ничего не разглядел, а приличные сканеры этой крохе не полагались. Попробовать выйти с кем-нибудь на радиосвязь? Нет, увольте, в лучшем случае отзовется корабль, доставивший десантников на «Жираф». Если солдаты спаслись, встреча будет излишне тёплой. Впрочем, если у спорангия была прямая связь со своим «головным офисом», с разумом других особей, то можно сразу считать себя врагом человечества номер один и ждать ареста, где бы теперь ни причалила капсула.

Да и вариантов просматривалось, честно говоря, не много. Димка вывел их на экран и начал, советуясь с ботом, поочередно вычёркивать. До одних долететь не хватило бы жизненных ресурсов, на других слишком экстремальные условия посадки, для третьих нужна слишком высокая манёвренность или специальное стыковочное оборудование. Система Z хоть и была обжитой, но обилием комфортабельных колоний не баловала.

Однако же нашёлся в списке один объект, который Димка

давно уже вознамерился посетить. Далековато, конечно, но в капсуле он всего один и на ближайший десяток циклов совершенно ничем не занят. Так почему бы не теперь?

Он сказал боту, что принял решение, и уверенно ткнул пальцем в координаты Заказника.

13.

Конвой провёл его по ещё одному из бесконечной череды коридоров и втолкнул в комнату. Довольно аскетичная обстановка даже по сравнению с научной станцией. Монитор на стене, терминал связи напротив, обычная не выдвигаемая кровать, тумбочка. В центре – рабочий стол, новый, мощный, с персональным ботом-помощником для подсчёта проектов и автоматического ведения документации.

Человек за столом увлечённо крутил в руках изометрический чертёж. Димка уже знал, что спорангий плохо воспринимает плоские изображения. Чтобы читать, он использует проросших, а изучать что-то более сложное не может даже с их помощью. Поэтому все, кто хочет сохранить в тайне свою работу, работают в изометрии.

– Здравствуйте, Палпалыч!

Озолинг придавил чертёж указательным пальцем к столешнице, поднял удивлённо правую бровь, став похожим на виноградную улитку.

– Вы? Как вас?

– Дима.

– Офицер научного флота Дмитрий Карпенский, м-дээ?

– Уже нет. Разжалован, уволен, обвиняюсь в терроризме.

– Слышал, слышал. Кой пёс понёс вас на «Жирафа»? Вы хоть понимаете, сколько народу пришлось по вашей милости

спешно эвакуировать со станции? Почему нельзя было просто выполнить порученную работу, а уже потом, как полагается по флотскому уставу, прийти ко мне за разъяснениями?

– Чтобы мне намазали лоб зелёнкой?

– Пффф! Вот до чего доводит нехорошая манера подслушивать под дверью.

– Я не только подслушивал. Я проверил списки своих предшественников. И знал, что после завершения проекта могу уже не получить шанса попросить разъяснений. Как Мурави, Таверский, Лу Мин...

Озолинг кивком вернул в правильное положение стеклянный глаз. Обратился к боту:

– БэЧе шесть мне на связь!

– Есть связь!

– Замначальника по научной работе пригласите!

– Уже идёт.

Позади с тихим вздохом открылся люк, в комнату вошёл парень. Симпатичный, не намного старше Димки, хотя с потомками земных азиатов всегда трудно угадать...

– Знакомьтесь. Сабута Мурави, наш ведущий специалист. Самый ведущий, один из лучших, жаль будет отпускать, даже с учётом повышения.

Мурави польщённо заулыбался, Димка ещё раз осмотрел его с недоверием.

– Погиб при высадке на астероид?

– Да-да, пропал без вести, тела так и не нашли. Ну а как

иначе? Я бы познакомил вас и с Лу Мином, но он... не здесь.

– Значит, экспедиция «Жирафа» была успешной? Вы основали?..

Лицо Озолинга разом посерело. Он вскинул руку, призывая замолчать. Извинился перед Мурави, сказав, что попросит его зайти чуть позже. Пока учёный выходил, подошёл к терминалу на стене и запустил какие-то хитрые дополнительные охранные протоколы.

– Что это значит? Откуда вы знаете про миссию «Жирафа»?

– Ну как... Я же был там. На борту почти не было экипажа. Я предположил, что всех, без кого можно обойтись в обратном рейсе, оставили там, в новой колонии.

– Откуда вы знаете про колонию?! – рявкнул Озолинг, ударил кулаком по столу, его стеклянный глаз от резкого движения закатился кверху, сделав выражение лица ещё более жутким.

– Мне капитан сообщил.

– Врёте! Мишель никогда бы... Капитан «Жирафа» к моменту вашего появления на борту был уже по меньшей мере год как мёртв! Спорангий выследил его и пытался прорастить...

– Я знаю, Палпалыч. А он отравил паразита. А когда понял, что полностью избавиться от него таким способом нельзя, уничтожил секретную информацию. Включая ту, которую держал исключительно в голове. Но для нас он оста-

вил подсказку на навигационном столе. Одиннадцать банок бриллиантового зелёного.

– Одиннадцать? Вы сказали – одиннадцать?

– Именно. Ещё он расколол стол, чтобы по этой метке можно было задать точку отсчёта. Если бы не это, я бы, может, и не догадался. Могу показать, как всё было расставлено, чтобы вы поняли, какой объект нанести на карту.

Озолинг грузно плюхнулся в кресло и потёр переносицу.

– Лейтенант Карпенский, что вам известно про общество «Заслон»?

Димка смутился от такой резкой сменой темы, а в равной степени от обращения по званию.

– Ну, слышал что-то... Немного, честно сказать. Какая-то старая земная организация, то ли оборонная, то ли промышленная. Участвовала в Войне первого контакта на стороне людей. Ходили легенды, что там создали оружие против проросших, и даже нашли способ противостоять спорам. Вроде особый шлем с силовым полем...

– Препарат. Это был химический препарат. РБЗ-2.

– Нет, такого я точно не слышал. Отец говорил, вроде пожгли их всех ещё в шестьдесят втором, но он верил, что вывезли они с Земли архивы и часть персонала.

– С персоналом всегда сложно, – перебил Озолинг. – Хороших людей наперечёт, а работы валом. Плюс к тому, сами знаете, большинство земных колоний боготворят спорангия. Вы в курсе, почему? Он взял на себя самую сложную работу

людей – принимать решения, оставив на их долю шесть часов трудового цикла, шесть – цикл развлекателей и шесть – сна. Спорангий говорит им, во что верить, что любить и что проклинать. Он определяет, кто виноват, что можно и что нельзя. Он судит и выносит приговоры.

– И они счастливы, что освобождены от этих затруднений, – подсказал Димка.

– Они ни о чём больше не мечтают. Они экономически подавлены в пределах своих планетарных систем. Всё потребление контролируется, запрещены межзвёздные полёты, пересылка грузов, строительство энергостанций. Мы живём на станциях и астероидах, ставших нашими тюрьмами, а спорангий неплохо освоился на земле. В распоряжении людей углеводороды, солнечная энергия, радиоактивные материалы – но на этом не выжить планете и не полететь межзвёздному кораблю. И нам не по пути с людьми, которых такое положение вещей устраивает.

– Вам нужны бунтари и террористы?

– Бросьте! Что от них толку? Они изгадят всё дело, потому что не уживутся ни в какой системе. Будьте уверены, наша их не устроит ничуть не меньше, чем система спорангия. Нам нужны люди умные, готовые искать новые пути и новые решения. Мы разрабатываем силовую установку, которую не сможет пожрать ни один проросший. Мы разрабатываем корабли, способные летать в другие системы незаметно для сканеров боевых станций. Среди наших проек-

тов есть сети ботов-маскировщиков и ботов-шпионов. Есть оружейные платформы и средства защиты. Но больше всего, конечно, требуются специалисты в области развития наших поселений, наших новых миров. Они будут работать тайно, в режиме строгой секретности во всех десяти... одиннадцати звёздных системах, свободных от спорангия.

– Думаете, он туда не проникнет?

– Обязательно проникнет! Непременно! Но мы будем готовиться. Будем изучать и его тоже, пока не найдём способ держать в узде. Кстати, по теории этого вашего Лу Мина, спорангий не един на просторах вселенной, он просто изгой, потому и не позволяет нам летать к звёздам. Следовательно, где-то там есть цивилизации, уже знакомые с ним и, возможно, знающие способы сопротивляться.

– И всё это руководится отсюда? Из Заказника?

– Эх вы хватили! Конечно же нет. Откуда что руководится – вам знать не положено, в целях вашей же безопасности. Здесь располагается, м-дэээ, небольшой филиал. Я бы даже сказал, посредник на аутсорсе. Небольшое кадровое агентство.

– А вы, значит, директор по персоналу?

Озолинг качнул стеклянным глазом и хитро сощурился.

– Можно сказать и так. Вы, лейтенант научного флота Карпенский, если мне верно помнится, заявляли, что всю жизнь мечтали о космосе? Поздравляю, вы прошли тест на профпригодность. Так что же, вас всё ещё интересует наша

вакансия?